

НА РУБЕЖЕ ДВУХ СТОЛЕТИЙ

Сборник в честь 60-летия
Александра Васильевича Лаврова

Составители

Всеволод Багно, Джон Малмстад, Мария Маликова

Москва: Новое литературное обозрение
Санкт-Петербург: Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
2009

УДК 821.161.1.09Лавров А.В.
ББК 83.3(2Рос=Рус)53
Н12

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научное приложение. Вып. LXXV

Художник серии *Н. Пескова*

Н 12 На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова М.: Новое литературное обозрение, 2009. — 848 с., ил.

Сборник статей посвящен 60-летию Александра Васильевича Лаврова, ведущего отечественного специалиста по русской литературе рубежа XIX—XX веков, публикатора, комментатора и исследователя произведений Андрея Белого, В. Я. Брюсова, М. А. Волошина, Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус, М. А. Кузмина, Иванова-Разумника, а также многих других писателей, поэтов и литераторов Серебряного века. В юбилейном приношении участвуют виднейшие отечественные и зарубежные филологи — друзья и коллеги А. В. Лаврова по интересу к эпохе рубежа столетий и к архивным разысканиям, сотрудники Пушкинского дома, где А. В. Лавров работает более 35 лет. Завершает книгу библиография работ юбиляра, насчитывающая более 400 единиц.

УДК 821.161.1.09Лавров А.В.
ББК 83.3(2Рос=Рус)53

ISBN 978-5-86793-657-0

© Авторы. 2009

© Фото А. В. Лаврова — А. Балакин, 2007

© Художественное оформление. «Новое литературное обозрение», 2009

РЕЧЬ ИННОКЕНТИЯ АННЕНСКОГО О КИРИЛЛЕ И МЕФОДИИ

Публикация Владимира Гитина (Кембридж, Массачусетс)

Публикуемый ниже текст Иннокентия Анненского находится в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 116), без заглавия, и представляет собой, скорее всего, речь, произнесенную на юбилейных торжествах по случаю празднования тысячелетия со дня смерти славянского просветителя св. Мефодия. Из текста ее понятно, что произнесена она была 6 сентября 1885 года (ср. начало: «Тысячу лет тому назад в этот день...») перед студентами частной гимназии Ф. Ф. Бычкова (впоследствии Я. Г. Гуревича), где Анненский, после окончания Петербургского университета, преподавал древнегреческий и латинский языки.

Этот тысячелетний юбилей широко отмечался всем славянским миром, в том числе и Россией. О масштабах и характере празднеств дает представление хроника того времени: «Во всех церквях столицы совершались всенощные служения с благословением хлебов на литии и величанием св. Кириллу и Мефодию. Вечером того же дня колокольный звон, раздававшийся во всех церквях и соборах, возвестил миру о наступлении всеславянского праздника. На четырех колокольных Исаакиевского собора зажжены были костры, осветившие ярким пламенем всю площадь и придавшие колоссальному зданию собора фантастический вид. 6-го апреля, с самого раннего утра, на улицах столицы заметно было особое оживление. Народ толпами валил к Казанскому и Исаакиевскому соборам. <...> К 9-ти часам утра тротуары Невского проспекта и Большой Морской запружены уже были несметною толпою. В Казанском соборе собрались духовные лица, назначенные по церемониалу для участия в крестном ходе. <...> В Исаакиевском соборе <...> на молебне присутствовала вся царская семья»¹.

¹ Исторический вестник. 1885. Т. 20. С. 488.

Просматривая статьи и речи, посвященные празднованию, нетрудно выделить в них три аспекта, то сливающихся, то выступающих раздельно: религиозный, просветительский и национальный. Комбинация этих аспектов могла привести и часто приводила к эмоциям далеко не юбилейного порядка. «Тысячелетие славянского самосознания», как определилась эта праздничная дата в заглавии одной из юбилейных статей, там же, в сочетании с религиозной идеологией, имела уже несколько иной смысл: «Еще немного дней, и мы, а с нами и *весь мир православного славянства*, торжествуем один из грандиознейших моментов *нашей истории*»². Разделение же славянского мира на православный и католический, продолженное уже в аспекте национальном, прямо вело к картине современных отношений между славянскими народами в рамках социально-политических, а то и просто в рамках национальной неприязни: «Поляки до вчерашнего дня стыдились исповедовать себя учениками св. Мефодия, и в то же время рьяность их без границ в устройстве мефодиевских ликований австрийского толка. Всегда неудачные политики, они своею непризнанною ролью из праздника мира и любви почти уже сделали арену для других страстей. По их программе, это будет “семейный праздник, на котором нет места ни врагам, ни фальшивым друзьям славянства”, говорил еще в октябре прошлого года “Dziennik Polski”. Под последними разумеется мы, русские. Вот результаты недавнего обновления братства чехов и поляков — этих двух евангельских слепцов»³.

Подробности, мотивы и причины идейных страстей, которые питали юбилейные торжества и которые ни для кого не были неожиданными, даже напротив, — все это никак не может быть предметом обсуждения во вступлении к небольшой речи Анненского и упомянуто здесь лишь затем, чтобы дать возможный фон для самой этой речи. Поскольку тогда станет очевидней, что было важным для Анненского в той картине жизни славянских просветителей, которую он развернул перед своими учениками. В картине этой нет ни малейшего намека на религиозное или национальное неудовольствие или раздражение. Задача речи — ознакомить молодых слуша-

² Кочубинский Фл. Тысячелетие славянского самосознания // Исторический вестник. 1885. Т. 19. С. 608. Курсив мой; ср.: «Не смущает <нас> и блестящая казовая сторона всех приготовлений в Моравии к юбилейным поминкам: особенно жизнью умудренные, наши западные братья давно искусились и преуспели в лицедейственных приемах. А мы — серые люди, ими и останемся» (с. 617).

³ Там же. С. 608—609. Ср. также, например, текст телеграммы, полученной в день празднования юбилея на имя Славянского Благотворительного общества из Болгарии: «Мы твердо уверены, что русский царь-покровитель водворит свободу и на родине солунских братьев, где теперь слышен плач» (Там же. 1885. Т. 20. С. 489).

телей с жизнью Кирилла и Мефодия в простых и зримых образах и фактах, так, как они изложены в «житиях» братьев, и при этом дать этим фактам просветительскую и эмоционально-этическую, а часто и эстетическую окраску, подчеркнуть значение их дела для всей последующей культуры славянских народов.

Следуя этой задаче, Анненский не вдается в историко-филологические подробности и аргументацию, а, напротив, не скрывая этого, следует повествованию о жизни двух братьев, изложенной в Житии Константина и в Житии Мефодия, таким образом сохраняя стиль житийной легенды как наиболее подходящий для педагогических целей. Более того, он иногда даже усугубляет этот стиль, жертвуя фактической предметностью легенды, но выигрывая в эмоциональном и риторическом плане. Так, в «Житии Константина» (гл. 17), когда речь идет о том, как он привез в Рим богослужебные книги, переведенные на славянский язык, говорится, что они были возложены на алтарь в храме Св. Марии и литургию на славянском языке пели четыре раза, в четырех римских храмах. У Анненского это звучит иначе: «Сам первосвященник возложил их на алтарь в храме Св. Марии, и римские церкви трижды огласились богослужебными гимнами славян».

Изложение биографий Кирилла и Мефодия в рамках легендарного повествования существенно для Анненского еще и потому, что в нем культурно-историческая память, воспоминание имеет поэтический характер. Вот как он вводит своих слушателей в биографическое повествование: «История сохранила нам рассказы о жизни Первоучителей. Пусть же она сегодня *разовьет перед нами свой длинный свиток* и поможет нам лучше запечатлеть в душе святой образ братьев-учителей». Выделенное мною курсивом место — цитата из пушкинского «Воспоминания»: «Воспоминание безмолвно предо мной / Свой длинный развивает свиток». Эти пушкинские слова переосмыслены здесь Анненским как приглашение к поэтическому и этическому характеру исторического воспоминания. Не надо только смотреть на это как на исключительно педагогическую эмоцию.

Помимо прямых источников (Жития), легших в основу речи Анненского, следует указать на еще один ее источник — легендарную «биографию» братьев, написанную на основании сличения различных текстов легенды В. А. Бильбасовым и вышедшую в 1871 году⁴. Несколько примеров дадут представление об этом. О смерти Кирилла у Анненского сказано так: «Пение псалмов и гимнов, тысячи горящих свечей, сотни благоухающих кадильниц,

⁴ Бильбасов В. А. Кирилл и Мефодий. СПб., 1871. Ч. 2: Кирилл и Мефодий по западным легендам.

толпы народа сопровождали печальный кортеж по узким улицам Рима, вплоть до церкви, где прах Святителя был встречен Римским Первосвященником». У Бильбасова: «Пение псалмов и гимнов, горение свеч и благоухание кадильниц сопровождало тело Кирилла по узким улицам Рима до церкви Св. Климента, где оно было встречено самим папою...» (с. 179). У Анненского: «Сам Первосвященник возложил их на алтарь в храме Св. Марии»; у Бильбасова: «Папа возложил славянские книги на алтарь церкви Св. Марии» (с. 192). Параллели к тексту Анненского из Бильбасова приводят-ся в сносках к основному тексту речи, который публикуется ниже. Там же помещены и мои комментарии.

* * *

Тысячу лет тому назад в этот день, окруженный плачущими учениками, в далеком Велеграде скончался св. Мефодий, славянский Первоучитель. Два великих солунских брата этим днем завершили свой земной подвиг, но до сих пор живет их святое дело в сознании всех славян. Каждое слово в богослужении и каждая буква в книге напоминает нам апостолов славянских. История сохранила нам рассказы о жизни Первоучителей. Пусть же она сегодня разовьет перед нами свой длинный свиток и поможет нам лучше запечатлеть в душе святой образ братьев-учителей.

На берегу моря в Турции лежит древний торговый город Салоники. Греки называют его Фессалоники, славяне — Солунь. Красивым амфитеатром раскинулся он над заливом, под ярко-синим южным небом. Множество башен теснится над крышами домов, между густой кущей садов: яркие белые стены причудливо чередуются с зеленью кипарисов и мирт. Целый ряд веков прошел над городом, переделывая его по-своему. Триумфальная арка⁵, остатки гипподрома говорят о суровом Риме, рядом видна христианская церковь, которую турки обратили в мечеть, выкрасив в зеленую и малиновую краску ее белые мраморные колонны. А в стороне от города, на синеве неба обрисовывается гора Олимп, с монастырем, который освящен памятью Мефодия. Тысячу лет тому назад Солунь была богатый торговый город. Широкая дорога⁶ соединяла его с Римом и Константинополем. Его заселяли греки и македонские славяне, наши братья. Жил здесь в начале девятого века богатый и знатный грек Лев с женой Марией⁷. У них было двое сыновей, Константин (в монашестве позже названный Кириллом) и Мефо-

⁵ Арка императора Галерия.

⁶ Via Equatia

⁷ Мария является позднейшим добавлением, в Житиях упоминаний о ней еще нет.

дий. Это были разумные и кроткие дети. Константину, когда ему было семь лет, приснился вещий сон: будто привели его в богатую палату, там увидел он много прекрасных богато одетых девушек, из которых ему велели выбрать невесту. Он выбрал себе невесту и узнал, что ее звали «Мудрость»⁸. Братья учились в школе и рано полюбили книги. Забавы мало привлекали их. Однажды Константин был на соколиной охоте, это была любимая игра юноши. Вдруг налетел вихорь, и его сокола унесло куда-то далеко⁹. С тех пор он совсем оставил охоту и весь предался ученью. Он читал Григория Богослова, зачитывался им, учил наизусть страницами¹⁰, но его смущало, что вокруг не было человека, который бы мог растолковать ему темные места¹¹. Пытливый ум юноши, однако, не заглох. Бог повел своего избранника дальше. Он был призван вскоре учиться в Царьград. Здесь он мог утолить свою жажду знания.

Он прошел полный курс наук того времени: и грамматику, и арифметику с геометрией, и астрономию, и музыку, и Гомера, и науку красноречия, и философию, которой он учился у знаменитого Фотия¹². Ум Константина развился и окреп, но характер не изменился среди новой обстановки, хотя он жил при дворе и его окружали роскошь и блеск невиданные. В то время Царьград был самым великолепным и самым богатым городом в Европе, во всем мире даже. Новый дворец императора Феофила, с его пятью церквями, весь тонул в зелени. Крыша из золоченой меди покоилась на колоннах из итальянского мрамора; стены были разноцветные и тоже мраморные, а перед портиком, в серебряном бассейне, нарядно украшенном цветами и плодами, журчал фонтан. Длинная мраморная лестница вела к трону императора, который весь горел в золоте и дорогих камнях. Мрамор и пурпур, золото и слоновая кость, картины и мозаики, произведения арабов и Востока, дары Рима и древнего греческого искусства наполняли дворцы и дома богатых людей. Самая фантазия художников обращалась на безумную роскошь. У трона царя стояло дерево, все золотое, а в ветвях его прятались золотые птицы, которые издавали мелодические звуки. Рядом помещались два золотых льва, которые страшно ворочали головами и рычали по-львиному. Множество фабрик давало византийские шелка, сукна, ковры. Со всего мира стекались в этот дивный город произведения природы, искусства. Все манило к роскоши и неге. Царьград любил зрелища, торжества. Особенно

⁸ Житие Константина. Гл. 3.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Гл. 4.

красив был город, когда ждали, что проедет император: улицы усыпали цветами, в окнах и балконах выставлялись золотые и серебряные кубки, вывешивались пурпурные ткани; духовенство встречало его в светлых парадных облачениях. Поэты и музыканты составляли хоры и пели гимны в его честь, а особые наемники славляли монарха приветствиями на всех языках его обширной державы. Константин стоял близко к трону императора, вельможи любили его; его способности и познания открывали перед ним блестящую светскую будущность, но ни слава, ни роскошь не манили задумчивого юношу. Молитва, книга, тихая монастырская келья пленяли его воображение, которое оставалось спокойным перед вычурной роскошью Востока. Логофет¹³ предлагал ему жениться на своей крестнице, прелестной девушке из богатой семьи; дружба императора сулила ему место стратига¹⁴, но он отказался от брака и вместо стратига сделался скромным библиотекарем при Софийском храме — церковь и библиотека были его стихией, ему здесь легче дышалось. Но блеск, немолчный шум столицы проникал и сюда, и вот Константин бежит в монастырь. Полгода его ищут, наконец находят и снова привозят в Константинополь. Покорный воле монарха, он становится на этот раз учителем (красноречия) философии. Его слава, как оратора и богослова, растет из года в год. Двадцати четырех лет от роду он одерживает блестящую победу над старым закоренелым еретиком Аннием¹⁵, который упорно утверждал, что кланяться иконам грешно. Но Константина влекло из шумного города. Он знал, что за блеском города, где церковь, школа и библиотека учат людей, лежит земля, где люди не знают даже истинного Бога. Дикие толпы с севера и востока теснили Византию, в самих пределах ее бывали идолопоклонники; даже среди крещеных зачастую царили грубые суеверия, невежество. Кроме того, христианству приходилось бороться с иудейской верой и с магометанством, у которых были и книги, и проповедники, и церковь. Словом, за пределами Царьграда много работы великой и трудной было для христианского философа. Арабы-мусульмане обладали в то время страшной силой. Часто грабили они греческие земли, жгли города, уводили пленных. При разрушении Аммония погибло 30 тысяч греков. Однажды они увели в плен 42 знатных грека и заставляли их насильно принять Магометов закон. Мужественные христиане не согласились, и за это им отрубили головы. Церковь причла мучеников к лику святых, а сарацины после этой неудачной попытки стали заводить с христианами споры, чья вера

¹³ В IX в. так назывался крупный чиновник в византийской государственной иерархии.

¹⁴ Наместник военно-административного округа в Византии.

¹⁵ Сверженный патриарх-иконоборец Иоанн Грамматик.

правее. Вот к ним-то и поехал спорить о вере Константин. Сарацины были народ образованный; несмотря на презрение, которое они питали ко всем, кто не считает Магомета пророком, они сумели воспользоваться греческой наукой и в споре сражались греческим оружием. Обширная ученость помогла греческому философу в состязании. Он знал Коран лучше, чем они знали христианское учение, и разбил их доводы, одушевленный верой в Истинного Бога. Потом он вернулся в Царьград. Но опять не мог пробыть там долго. Его благочестивую, мечтательную душу тяготила шумная столичная жизнь, тем более что за наружным блеском таилась часто нравственная испорченность.

Расточительность и жажда удовольствий охватывала высшие классы столицы, грубые пороки царили в низших. Религиозному человеку трудно было видеть, как часто легкомысленно издевались над предметами веры, и вот Константин бежит снова в уединение, к природе и молению. Вскоре он встречается со своим младшим <так!> братом Мефодием, с которым давно расстался. Разошедшиеся было дороги братьев сошлись снова, и они уже не расставались, пока смерть не разлучила их. Мефодий был раньше воеводой, потом пошел в монастырь, постригся и стал монахом. Но прежняя жизнь оставила на нем след. Его ум останавливался не только на книге; его мысль работала над жизнью; он был практичнее брата и лучше понимал людские отношения¹⁶. Мефодий, говорит предание, был высокого роста и красивый; он умел привлекать человеческие сердца и неотразимо действовал на ум и волю слушателей; он обладал страстной и энергической натурой и, в противоположность тихому, мягкому Константину, умел быть суровым¹⁷. Две речи было у него, говорит его биограф: строгая и мягкая¹⁸. Недолго пробыли братья в монастыре. Им предстояла новая миссия: император приказал им отправиться к хозарам. Хозары, кочевой азиатский народ, издавна поселились на западном побережье Каспийского моря¹⁹, а

¹⁶ Ср. у Бильбасова: «Уступая брату в философском развитии своего ума, превосходя его в практическом знании жизненных отношений, Мефодий должен быть поставлен наравне с Константином по своим природным дарованиям: его ум, принявший иное направление, по силе своей не уступал уму брата...» (с. 159).

¹⁷ Ср. у Бильбасова: «Мефодий был красив лицом, строен телом; легенды не интересуются внешностью святых своих героев, но легенды о Мефодии не могли умолчать о том, что он отличался своим внешним видом. Мефодий обладал твердым характером, страстную натурю <...>. Практическая деятельность Мефодия заставляла его иногда быть строгим...» (с. 160).

¹⁸ Ср. у Бильбасова: «...легенды знают два рода речей Мефодия — строгую и мягкую речь...» (с. 160).

¹⁹ Ср. у Бильбасова: «Западное побережье Каспийского моря было издревле обитаемо хозарами...» (с. 162).

оттуда разошлись со своими стадами и кибитками до Черного и Азовского моря. Вся Таврида (теперешний Крым) принадлежала им²⁰. Славяне платили им дань. Хозары были идолопоклонниками, но между ними было много сарацин и евреев. Хозарский хан в половине IX в. прислал к византийскому императору Михаилу послов, говоря: «Между нами и вами старая дружба, и так как вы народ великий и царство богатое получили от Бога, то спрашиваем у вас совета и просим у вас ученого мужа; если он одержит верх над евреями и сарацинами, то мы примем вашу веру»²¹. С радостью откликнулся Константин на монарший призыв. Повели, государь, сказал он, и с радостью пойду пешком и босой²². Хорошо изготовился Первоучитель к своему трудному делу; в городе Корсуне по дороге он изучил еврейский язык²³. Знание редкой славянской речи тоже должно было ему помочь: в пестрой толпе хозар было много славян. Придя в Херсонес, в море возле города открыл Константин мощи христианского мученика Климента Римского. Семь с половиною веков до того времени, при императоре Траяне, по распоряжению римской власти, еще языческой, святого бросили в море с якорем на шее. Он пострадал, потому что, когда его сослали в Херсонес, он продолжал и там ободрять верующих и проповедовать язычникам. С торжеством внес Первоучитель святые мощи в тот самый город, откуда когда-то старца неистово влекла в море грубая римская стража. Из Херсона путь миссионеров лежал необозримыми пустынными степями юго-восточной России. Дикие орды азиатских кочевников²⁴, ища добычи, бродили там и сям. Два раза грубые дикари нападали на братьев. Но Бог хранил своих избранников. Молитва и спокойное бесстрашие подвижников неотразимо действовало на суеверную душу варваров. Наконец братья доставились в Ставку хозарского хана. Она была на Кавказе, на берегу Терека, в гористой стране среди виноградников. Несколько дней подряд шел оживленный горячий спор, спорили даже за обедом²⁵. Наконец Константин совсем разбил противников, и обрадованный хан предложил ему награду. «Ничего мне не надо, — отвечал Первоучитель, — а отпусти со мной на родину пленных греков»²⁶, и

²⁰ Ср. у Бильбасова: «...вся Таврида принадлежала им одно время...» (с. 162).

²¹ Житие Константина. Гл. 8. Перевод на русский язык тоже взят у Бильбасова (с. 163), ибо слово в слово совпадает с тем, который дает Анненский.

²² См.: Житие Константина. Гл. 8.

²³ «И когда дошел до Херсона, научился здесь еврейской речи» (Там же).

²⁴ Ср. у Бильбасова: «...в степях юго-восточной Руси, где кочевали и перекочевывали дикие орды азиатских выходцев» (с. 171).

²⁵ См.: Житие Константина. Гл. 9.

²⁶ Там же. Гл. 11.

через несколько дней братья отправились в обратный путь, а за ними шли толпой бывшие пленные, благословляя свободу и святых братьев. Даже по дороге не оставляли Солунские братья своих трудов. Недалеко от Херсона, в какой-то Фулле²⁷, жили крещеные люди, но они были заражены грубым суеверием и кланялись какому-то старому дубу, который звали Александром²⁸. Первоучитель пристыдил их и в присутствии толпы, которая еще не опомнилась от изумления и ужаса, нанес 30 ударов крепкому идолу²⁹. Сильное слово, которое дышало верой и правдой, одушевило окружающих: исполинское дерево срубили и сожгли.

По возвращении в Грецию Мефодий отказался от сана архиепископа, он предпочел стать игуменом в одном тихом малоазийском монастыре. Мысль о просвещении славян сильно занимала святых братьев. Евреи и мусульмане имеют письмена и книги. Из христиан — готы, сирийцы, армяне имеют азбуку. У славян ее нет. Давно чувствовал Константин потребность в просвещении славян, «а что такое просвещение без книги; ведь это все равно, что на воде писать», — сам признается он в разговоре с императором³⁰. И вот является славянская азбука. Кому, как не Константину, было за нее взяты. Он знал письмена евреев и арабов; языки греческий и славянский были ему равно близки. И вот, взяв в основание начертания греческие, а где не хватает греческой азбуки, заимствуя из восточных алфавитов или сочиняя буквы, он полагает основания славянской письменности³¹. Громадный, неизмеримый шаг в раз-

²⁷ Возможно, что Анненский говорит о «какой-то Фулле» в связи с неясностью самого этого места в письменных источниках. По-видимому, имеется в виду город Фуллы в Крыму, где-то в районе Бахчисарая или Коктебеля (таким образом, правильнее было бы называть его «в каких-то Фуллах»), хотя и это тоже спорно. Ср. у Бильбасова: «в городе Фулле, недалеко от Херсона» (с. 175).

²⁸ И. С. Дуйчев высказал мнение, что «Александр» — это не название дерева, а, скорее, его нарицательное наименование, означающее «защитник мужчин» (см.: Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С 122—123).

²⁹ См.: Житие Константина. Гл. 12. В тексте Жития говорится о том, что Константин ударил по дереву «тридцать три раза».

³⁰ Там же. Гл. 14. В Житии сказано иначе: «Отвечал <Константин> Философ: “Тело мое утомлено, и я болен, но пойду туда с радостью, если есть у них буквы для их языка”. И сказал цесарь ему: “Дед мой и отец мой и иные многие искали их и не обрели, как же я могу их обрести?” Философ же сказал: “Кто может записать на воде беседу и прослыть еретиком?”». Ср. перевод на русский язык Бильбасова: «...просвещение народа без письмен его языка равносильно усилиям писать на воде» (с. 181).

³¹ Азбука, которую создал Константин, впоследствии была известна как «глаголица». На основании сказанного Анненским можно предположить, что он приписывает Константину (Кириллу) создание «кириллицы», что, в общем, отражает уровень знаний того времени.

вители народа. Ведь и народ, как ребенок, в учении должен начать с буквы. До азбуки мысль бродит, неясная и неопределенная. Какие произведения могут жить без букв? Песня, сказка, поговорка — младенческий лепет народа. Но религиозное учение, молитвы и проповеди, закон и наука — что стало бы с ними без букв? Здесь дорог каждый оттенок мысли, каждое слово должно здесь твердо стоять на своем месте. Но этого мало: азбука соединяет людей, говорящих одним или близкими языками, разделяй их хоть тысячи верст. Учась по одной книге, люди поймут и полюбят друг друга, будь между ними хоть моря и горы. В книге истина, мысль живет тысячелетия, обходит мир. Перевод Кирилла и Мефодия прожил уже 1000 лет и проживет еще тысячи лет, обняв такой край земли, которого бы не обошел никакой миссионер. Священное Писание передано было братьями на славянский язык в замечательный момент. В еще наивный детский ум славянина были только что брошены семена Христова учения. Сербы и хорваты недавно приняли крещение, моравские славяне также, только что крестился болгарский князь Борис; у днепровских славян только что стали появляться христиане. Итак, славяне, едва крестясь, получили возможность молиться и славить Бога на родном языке; и сердцу их стала сразу ясна и близка великая истина Христова учения; потому что путем родного слова она шла равно к ученому и неученому, старому и малому.

Трудное и святое дело перевода и распространения Священных книг, конечно, не могло совершиться сразу. Вот как оно шло. К императору Михаилу пришли из-под Карпат от Моравского князя Ростислава послы и просили его прислать в их страну учителей. Моравские славяне были уже крещены римскими священниками, и Зальцбургский епископ управлял их землей, но немецкое духовенство служило на латинском языке и, таким образом, не могло разъяснить им христианские истины. Братья Первоучители, взяв с собой азбуку и начало перевода Священных книг, отправились в далекую Моравию. Теперь дело славянского просвещения стало твердой ногой: оно имело церковный язык, имело книгу. Ростислав старался помогать святым братьям: он был князь сильный и добивался независимости для своего княжества, а немецкое духовенство тянуло страну к Каролингам. Водворившись в Велеграде³², св. Кирилл и Мефодий прежде всего занялись подготовкой молодых моравян к священнослужительству; они стали учить их славянской грамоте и закону Божию. Кроме того, братья ходили по окрестным селам, проповедью устанавливая и поддерживая еще не окрепшее христианство. Народ скоро стал на сторону славянских проповед-

³² Это скорее предположение, чем подтвержденный факт.

ников; толпы стекались в церкви, где читали и пели по-славянски. Но не так отнеслось к новой проповеди немецкое духовенство, которое страдало от греческих проповедников, потому что паства оставляла его. Начались споры, жалобы. Наконец дело дошло до Рима, и папа Николай I пригласил Солунских братьев явиться в Рим. Они поехали. Дорогой князь соседней Паннонии, тоже славянской земли, дал им 50 юношей в ученики и, по просьбе Святителей, освободил 900 пленных³³.

В Венеции они выдерживают горячий спор с триязычниками, то есть латинским духовенством, которое утверждало, что служить Богу и читать Слово Божие можно только на трех языках: еврейском, греческом и латинском.

Между тем папа Николай I, который вызвал братьев в Рим, умер³⁴. Его престол занимал теперь Адриан II. Он принял с честью славянских миссионеров. Им и их ученикам был дан священный <так!> сан. Перевод богослужебных книг на славянский язык был одобрен папой. Сам Первосвященник возложил их на алтарь в храме Св. Марии³⁵, и римские церкви трижды огласились богослужебными гимнами славян³⁶. Мощи св. Климента, принесенные братьями в дар Риму, были приняты с благоговением. Между тем для славян за первым торжеством наступили тяжелые дни. Константин тяжело занемог. Непомерные труды, длинные хождения, потрясения последних лет сломали наконец его сильную натуру. Его жизненный подвиг был слишком тяжел и велик. Чувствуя приближение смерти, он принял иноческий образ и имя Кирилла. Слезы струились по его исхудалому лицу, когда в день своей кончины он молился в последний раз за свою славянскую паству³⁷: «Боже, — говорил он, — вдохни в их сердца слово Твоего учения, устрой их

³³ В Житии Константина (гл. 15) Константин оказывается в Паннонии не по дороге в Рим, но направляясь «рукоположить учеников своих». 900 же пленных он «выпросил у обоих князей, Ростислава и Коцела, князя Паннонии». Ср. в «Итальянской легенде», где сказано, что папа «предписал им и вызвал их апостольским письмом, чтобы прибыли к нему». Сведения о том, что братья сразу поехали в Рим, таким образом, не бесспорны, и Анненский или должен был сознательно быть сторонником одного из предположений (братья направлялись в Рим или Константинополь), или же просто следовать «Итальянской легенде», или упростить биографический сюжет, сообразуясь с потребностями собственного повествования, так как в конце концов они так или иначе прибывают в Рим (см.: Сказания о началах славянской письменности. С. 132—133).

³⁴ Папа Николай I умер 13 ноября 867 г.

³⁵ Санта Мариа Маджиори.

³⁶ В Житии Кирилла четыре раза (гл. 17).

³⁷ Ср. у Бильбасова: «Так молился умирающий Кирилл <...> за свою славянскую паству» (с. 196).

сильною десницей Твоей и защити их под покровом крыл Твоих!»³⁸ В последний час жизни, поцеловав Мефодия, он завещал ему свое последнее желание — оно было все то же, которое он так долго носил в сердце. Он говорил: «Мы, брат, тянули с тобой одну борозду, и вот я падаю на гряде, ты же слишком любишь наш родной Олимп, но смотри не покидай из-за него наше служение — им ты скорее можешь спастись»³⁹. Св. Кирилл скончался. Его похоронили в церкви того самого Святого, мощи которого он открыл около Херсона. Торжественно погребли св. Кирилла. Пение псалмов и гимнов, тысячи горящих свечей, сотни благоухающих кадильниц⁴⁰, толпы народа сопровождали печальный кортеж по узким улицам Рима, вплоть до церкви, где прах Святителя был встречен Римским Первосвященником. Был исполнен весь обряд папского погребения. Мефодий уехал из Рима с двойной печалью на душе. Он оставлял тело брата на чужбине и не мог даже исполнить просьбы старухи-матери, которая завещала им, отправляя в далекую Моравию, чтобы живой привез ей прах усопшего⁴¹. К пастве своей Мефодий вернулся облеченный саном архиепископа: это должно было помочь ему в той борьбе, которую он выносил теперь один на своих плечах.

Следующие 18 лет жизни Мефодий вынес много труда, бросая семена в ту борозду, которую проводили они вместе с братом. Кроме занятий с учениками и продолжения работы над переводом Священного Писания Святому Первоучителю пришлось выдерживать из года в год усиливающуюся борьбу с западным духовенством, которое не покидало своих прав на Моравию. Западные проповедники вооружили против Мефодия даже моравского князя, который забыл, что вся сила его была в славянской проповеди, и что из-за нее под его знамена собирались все другие западные славяне, и что благодаря ей он мог держаться независимо от слабых Каролингов. Князем был в это время Святополк. Это был грубый и дикий князь, жадный до наслаждений и несправедливый. Смелые обличения

³⁸ Житие Кирилла. Гл. 18.

³⁹ Житие Мефодия. Гл. 7; перевод на русский язык, скорее всего, взят из Бильбасова (с. 196).

⁴⁰ Ср.: «Святой же папа приказал, чтобы все духовные, как греческие, так и римские, явились на его погребение с *пением псалмов и гимнов, со свечами и благоуханными кадильницами* и отдали бы ему честь и погребение такую же, как папе» (Итальянская легенда: Жизнь и перенесение мощей св. Климента // Бильбасов В. А. Кирилл и Мефодий. С. 318—319. Курсив мой.).

⁴¹ Ср.: «...когда мы изошли из нашего дома на то служение, то мать, проливая горячие слезы, умоляла нас, что если кто-либо из нас скончается ранее возвращения на родину, то брат переживший должен привезти брата умершего...» . С. 319).

Мефодия и козни его врагов довели дело до суда над св. Мефодием, и два с половиной года провел в заточении архиепископ и Первоучитель славянский. На суде он вел себя с обычным достоинством и на угрозы обвинения спокойно отвечал: «Я говорю истину перед царями и не стыжусь. Вы же можете делать со мной все, что хотите; я не лучше тех, которые приняли мученический венец за слово правды»⁴². Этим не кончились, однако, унижительные испытания Мефодия; его враги пустили в ход подложное папское послание, которым Мефодий лишился епархии. Но Мефодий в шуме борьбы готовил довершение своего перевода Священного Писания, такое оружие, которое не в силах были бы вырвать из рук духовенства и славян никакие противники.

В трудах постепенно слабели силы Первоучителя. Но за ним стояло уже несколько ревностных учеников, готовых до последнего дыхания вести и развивать дело любимого учителя. В последней беседе с учениками за день до смерти он ободрял их и молил Бога, чтобы Он укрепил их на трудный подвиг. Я не повинен больше в вашей крови, говорил св. Мефодий, я не молчал из страха, я всегда бодрствовал на страже и теперь говорю вам: будьте осторожны, охраняйте сердца ваши и братии вашей: вы будете ходить среди козней; будьте тверды в вере!⁴³

Мефодий скончался 6 апреля 885 года в памяти, с молитвою на устах.

Его ученики скоро перенесли свою проповедь в Болгарию, и оттуда просвещение христианское и славянская письменность широко распространились по всему славянскому миру.

Не глохнет с тех пор зерно, брошенное Первоучителями в славянскую душу. Оно разрослось в высокое ветвистое дерево. И пусть Бог хранит это дерево навеки от бурь и непогоды!

⁴² Житие Мефодия. Гл. 9; перевод на русский язык, скорее всего, взят у Бильбасова (с. 202—203).

⁴³ Болгарская легенда. Гл. 7; перевод на русский язык, скорее всего, взят у Бильбасова (с. 210).